

Антонина Николаевна Знаменская
(4-е интервью, 13.09.05, записала Татьяна Косинова)

– Первый вопрос будет такой: скажите, пожалуйста, если вы помните, (мы потом, может быть, и зарисуем это) внутреннюю обстановку дома в Обухове.

– Господи! Да это не то слово! Что значит «помнить»?! Я это вижу перед глазами каждую секунду! Иногда, по-моему, даже во сне не забываю! То есть всё до подробностей: где, что, какой стул, какой шкаф, какие занавески - абсолютно всё! – какие горшки, какие ложки. Я сама себе иногда удивляюсь: почему я так... То есть... медицина, там, биология объясняет это. Но чтоб до такой степени помнить! Все дома я помню! Улицы! Фамилии, конечно, я забыла, мне там 8 лет было, но, с кем дружила – знаю. Абсолютно точно помню.

– Ну, а какая она была у вас?

– Ну, мы уже немножко на городской тип были. У нас не крестьянский был дом. Ну, небольшой, всё... Но мебель уже была городская. Был..., как это, скажем, зала называлась, да. Войдешь...

– А сколько там было комнат?

– Да, Господи! Да три всего! Велико дело! Дайте, вот я вам... Где-то у меня даже нарисовано... Вы говорили, по-моему... Вот. Вот. Там у всех в три окна. И в Пестове у нас отец построил в три окна. Вот так окна (рисует и показывает на рисунке), вот тут двери. Знаете, такие белые, двойные, так распахиваются. И медные ручки такие. Сестра всё их на праздники чистила. Вот так войдешь: здесь стояла горка, называлась, и там стояли рюмки, бутылка там, у отца всегда «маленькая», когда с устатку - выпить. Вот... Конфеты лежали... Ну, горка. Естественно, посуда, тарелки и так далее. А вот здесь стояла кровать. Вот с шпешечками со всеми..., такая пружинная. Здесь мы спали с сестрой, когда она приезжала. Так она училась. Уж когда я большая была здесь мы с ней спали. Вот здесь у нас вот так скромно стоял круглый стол. Такие ножки какие-то..., хорошие. А вот здесь - гардероб назывался. Здесь одежда висела. А внизу (он какой-то высокий был), внизу стоял большой-большой такой кованый сундук. Его откроешь, а там отрезы всякого материала. У Николая Александровича Головина всё на запас! Их шесть человек было. Ведь не покупали метрами, а покупали большими кусками: сатин, там, для белья, там; сукно на брюки, там... Я вам найду статью. Это пишут: одна женщина спрятала, так в газете даже написали: как это так! Вот у Головина был сундук, а вот эта спрятала, так вот её судить надо! Где-то у меня еще статья эта есть. Ну вот. Вот здесь икона была такая. По-моему, которая у меня сейчас висит. Здесь тоже окно было. А вот здесь всё были стулья. Вот вы сидите на венском стуле – это отца. Вот такой, и еще другой, второй фасон. Но этот стол не простой. Когда гости, он раздвигался и получался вот такой огромный овальный стол. Вот такая обстановка. Но всё это было... Здесь... Да. Вот здесь была маленькая спальня, где спали. Вот так войдешь: здесь окно, здесь родители спали, а вот здесь поперёк кровать – самый младший ребенок спал. Вот я, например, когда маленькая. А уже подвыросла, я уже с сестрой сюда перешла. А вот эта... как бы столовая была. Вот эта дверь сюда, да. Здесь тоже окно, второе. Вот здесь стоял диван, совершенно деревянный, такая изогнутая..., вы, наверное, уже не застали, такая немножко изогнутая под спину спинка, вот, подлокотники... Но он весь деревянный, никаких там ни пружин, ничего не было. Очень такой удобный. Я видела здесь у некоторых. Он тоже такой фабричного изготовления... Не..., эти-то вообще венские стулья. А вот здесь тоже такой большой дубовый массивный хороший стол был, где чай пили вечером в 6 часов. Закон – чай пить. Здесь мы пили чай. А вот тут у отца был маленький, небольшой верстак, и здесь он шил. Вот откуда всё богатство шло. Вот он тут себе шил. А когда люди приходили, к нему часто приходили, вот сюда на диван-

то и садились: ля-ля-ля, а он, значит – ля-ля-ля, а сам всё шьёт. Вот. Никакое там ни мастерство, и ничего, и всё... А вот здесь кухня была, когда войдешь, как всегда. Все по одному, примерно, плану построены. Вот здесь огромная печка, вот здесь – топка, чугун называется. Мама тут готовит, вот её «пяточок». Здесь дверь - выход в скотный двор, а здесь вход в кухню. И вот здесь умывальник висит. Вот здесь вешалка. А вот здесь какой-то такой узенький столик был и подвешенный на палке такой цилиндрик металлический, что ли... В общем, это он кожу разделявал, когда, там, подкрасить, еще чего-нибудь. В общем, чего-то он гладил долго-долго...

– Вот сюда проходили вот так, да?

– Да. Вот сюда. И сюда. А здесь вот тоже стол, большой, все же садились 8 человек.

– А братья где спали?

– Вот я теперь всё и думаю, а где спали братья. Что на печке – точно, что на палатках – точно. Но их всё же четверо было. Да. Одного я вспомнила. Этот на диван. Одно одеяло старое бросалось, а другим одевался. Так. Ну, когда Марии не было, здесь двое могли спать. Я с родителями тогда переходила. А вот печка, а вот тут большие были палаты. Там могли все четыре поместиться человека..., когда холод или что... Отдельных кроватей не имелось. Вот только две кровати на восемь человек. Ну, вот диван еще.

– Хорошо. А вот кровати. Как их перевозили из Обухова в Пестово, кровать ту, с шариками?

– О-ой! Да так... очень просто... На санях. Она же разбирается. Спинки снимаются, это положил... Да что вы! Спокойно перевозили. Спокойно. Покупали даже чего-то. И возили. Это перевезти-то – что... А комод? Он же тоже...

– А дом в Пестово до сих пор существует?

– Да. И в хорошем состоянии. Там живет сын моей старшей сестры. У него очень хорошая жена, толковая такая, всё умеет, во всём разбирается: и в строительстве, и в хозяйстве – во всём. И дом... Если бы, конечно, они так его не поддерживали, так он уж с 37-го года... Представляете, сколько лет? А так они и крышу меняли, и покрасили его. Он был обшит, но не покрашен. Тогда краски сложно было достать. Вот. Пристроена верандочка, крылечко, тут всё они соблюдают. Ремонт делают. Она всё сама делает. Как приедешь: - Тётя Тоня! А ты не видишь, у меня уже новые обои! Я говорю: - Валя! Ну разве ж можно...! Всё у неё чистенько, потолок..., всё у неё... в нормальном состоянии. Я считаю, в хорошем.

– Кто из родственников живы? Где они сейчас живут?

– Вот. У меня ведь и двоюродный родственник и троюродный родственник. У нас так. Из моей семьи осталась я одна. И остался один племянник, сестры сын. Остальные же ребята были молодые, холостые еще – погибли на фронте. Ну, самый близкий – это у меня родной племянник. У этого племянника имеется дочь, которая тоже живет в Пестове. Ну и у дочери – сын и дочка, и муж. Она учительница. Преподает математику в старших классах. У них квартира уже со всеми удобствами, от государства получена. Теперь двоюродные. Вот Клава Соболева в Вильнюсе и племянники - это от двоюродного брата – Света, Таня, Сережа. А родители уже их умерли. Брат мой, значит, уже умер. Ну, теперь, здесь в Петербурге. От двоюродной сестры у меня дочери – Рита, Люда; от двоюродного брата – Валя, дочь и Лера. Валя - в Петербурге, Лера – в Выборге. Троюродная сестра у меня... Ну, вот троюродная, но она близкий мне человек – в Новгороде. Она старше меня, на пенсии уже. У нее дочь, замужем не была, они взяли девочку из детского дома. И сейчас она уже большая, вышла замуж и родила им Сонечку. И они там все от восторга захлёбываются. Ой! Что вы...!

– А вот эти братья и сестры, кроме одной, которая в Новгороде, уже их нет в живых, только племянники, да?

- Да... Да, да. Я самая младшая в роду в нашем, и мама младшая была, так что те все уже умерли.
- Так. Хорошо. Кто мог бы дать интервью из Пестова и Устюжное?
- На какую тему?
- На тему «Раскулачивание, жизнь в деревне в 1920-1930- годы»? Кто-нибудь из Ваших друзей, или знакомых, или родственников дальних?
- Шура умерла, Иван умер, из Обухова вот. Дуся была такая, «артистка», как она умела рассказывать и показывать! Тоже умерла. Вот я и говорю, там еще осталась подруга, то есть дочь моей подруги школьной. Я о ней пишу. Была такая доярка, её в президиум выбирали..., что я когда приезжала, боялась к ней подойти. Ну, потом-то уже тут «при Хрущеве» мы уже..., я у ней останавливалась всё..., можно было. Ну, кто...? Вот у меня родственники в Устюжне, так их еще родители живы. В Устюжну вы приедете, там, конечно, в деревнях-то еще есть..., мало, но есть. Найти-то мы найдем, конечно. А вот в Пестове, по-моему, там..., такое у меня было впечатление, там все, вроде нас, беглые такие. То есть в смысле скрывались. Вот, например, дядя Ваня мой, этот, который священник-то. Он тоже был в Пестове. Жил с семьей. Оттуда убежал вовремя. И вот как-то так..., моё уже чутьё подсказывало... Были там рабочие на лесозаводе. Вот, это какие-то... А вот так, смотришь, кто там бухгалтером, где каким-то поваром, где каким-то секретарем пристраивались... Там чистых колхозников и... Ну, наверное, теперь приехали родители. Разыскать-то можно, можно, конечно.
- А вот та женщина молодая, которая Вам письмо писала, и по просьбе ваше в архив ходила, она живет в Устюжне?
- Да. Она в Устюжне, в Устюжне.
- И мама её жива?
- Да.
- Мама? Или свекровь?
- Мама. Мама.
- И мама Ваша ровесница, да?
- А вот не знаю... Уж, наверное... Ей, с колторой переписываюсь, уже 50 лет. Может быть, даже не знаю..., мама ее помоложе меня. Я поздновато родила – в 30 лет. И она говорит, что ей еще очень понравилась вот эта заведующая архивом. Она прямо, с таким..., - говорит – с такой душой, с удовольствием всё показывала, какие нужны архивы, протоколы собраний, еще чего-то... Ну, она сказала, что есть у неё такая родственница, которой нужно. – Да пусть она приедет! Я ей всё покажу! Ну, теперь не бояться, так конечно... Раньше нельзя было. Всё понятно...
- Еще вот какой вопрос есть - по второму аресту отца: он прошел не то, чтобы незамеченным, а как будто есть в нем некая закономерность, вроде бы не был он таким ярко описанным, запомнившимся. Вот как это было?
- Так я не помню, это в 1946 что ли году? В ссылке-то он был... Сейчас скажу, скажу... Я в 1948 окончила педиатрический... Значит, 1947 год это... Значит, может быть, в 1946-м его... Я потом... Теперь начинаешь всё читать... Оказывается было постановление, что кто был там в 1930-х годах арестован, второй раз их арестовывали... Такой... в нескольких местах это встречала. А отец, значит, сидел. Именно по 58-й, не как-нибудь. Его арестовали. Приходят. И за что? Якобы, нарушение финансовой дисциплины. А в чем оно заключалось? Заключалось оно в том, что когда началась война, то кожевенный завод (я не знаю, в каком городе), куда колхозники отсылали шкуры убитых животных... Надо ж было сдавать, нельзя было ни продавать, ни самому делать, надо было сдать, и они туда отвозили. Началась война. И место-то там быстро немцы захватили, там эвакуировались. А здесь-то у нас пока в Пестове не было: идет жизнь, колхозы, крестьяне приходят к председателю, что куда нам сдавать кожу-то? Папин был. Я забыла

как его зовут. Фамилия Папин. Ну вот. И на одном заседании, вот, Папин докладывает. А как отец оказался на этом заседании... Отец работал бригадиром строительной бригады плотников. Ну, какое-то было совещание, строили сразу здесь две школы новые. И его чего-то там пригласили, какие-нибудь ЦУ дать. Он и слышит, что разводят мужики руками, не знают, куда эту кожу девать. Ну, отец говорит - Я встал, извинился. - Вы, - говорит, - меня извините, так давайте тогда сами будем делать. Раз отсылать некуда. - Так а как будет?! - Да просто. Я умею кожи делать. - А чего для этого надо? - Да сарай бы, - говорит, - и всё. Да чины я сделаю, мы с мужиками в артели сделаем. Ну, Папин обрадовался. И всю войну мой отец был директором завода кожевенного. Не много - не мало! А было у него рабочих - четыре бабы. Мужиков никого нет. А ведь эта работа очень тяжелая! А ставка им полагается, тогда еще, до реформы, 300 рублей. А у них муж на фронте. Ребятишек у каждого не один был, а двое - трое. И такая тяжелая работа... Запах... А потом эту мездру снимать... Вообще кожу вытащить с коровы, когда она там намокла, набродила, прокисла вся... И то, это большую силу надо. А потом её переворачивать, скоблить... Ну, в общем, это очень тяжелая, грязная работа. Отец-то делал, у него как бы кожевня была, тоже сарайчик был, назывался «кожевня». Так я забегала - видела, это очень представляю. Отец пошел к этому Папину и говорит: - Уж 300-то рублей больно мало. Как бы немножко им добавить. Бабы-то стараются. А Папин-то видел, кожи-то хорошие. И сразу организовали мастерскую сапожную. И нашлись старики: кто без ноги, там, кто хромой, полуслепой, начали ковырять даже сапоги. А он говорит: - А ты вот что, Головин, оформи там кого-нибудь, а деньги им дели. Всё добавка будет. Ну, Головин так и сделал. А тут - бах! - сказали: нарушение финансовой дисциплины! Так нельзя делать. Но он же не скажет, что мне...

- А был донос, как вы думаете?

- Не знаю... Вот это я не знаю. Я думаю, здесь доноса не надо. Одно то, что он было по 58-й статье...

- А он этого не скрывал?

- А как же! Конечно, нет! А справка-то у него была! Он пришел, его этот Папин и взял на работу. Он же хотел в Устюжне! Хотел там еще какая-то есть деревня... Там нигде не брали кулаков. Он тогда и дошел до Пестова. Работал вначале в деревне... Забыла сейчас, как... Ну, 16 километров от Пестова, там строили скотный двор. Он жил у старушки, там за печкой, и со средним сыном, с Николаем. К нему сразу старший сын, средний сын..., ну, сестра была далеко..., пришли. И он в эту бригаду. В колхозе в этом взяли. Он говорит: - И ничего я не спросил: ни справки, ничего. Так... простой мужик. Ну, потом видит, больше в колхозе работы нету. Вот пошли в Пестово. А в Пестове начали строить дома для рабочих, такие двухэтажные, деревянные, а потом там клуб, вот, школу... Вот эти две школы на моих уже глазах. Ну, какие-то там еще..., дом пионера и школьника. В общем, стали немножко строиться. Он когда пришел к Папину, а тот смотрит, говорит: - Нам до зарезу надо! Да еще не один - двое сыновей! - Ну вот как вот, как вот?! - Да ладно, - говорит, - давай, работай. Там видно будет... Справку-то... Он должен предъявить, откуда ты. Паспортов-то не было тогда! А вот справка, что я отбыл - справочка! А как же! И взял. Папин-то. Ну, и не ошибся.

- Панин или Папин?

- Папин.

- А в 1946-м как Вы отнеслись к тому второму аресту?

- А в 1946-м...

- В 1946-м или в 1947-м - неважно сейчас, как Вы к нему отнеслись, к аресту?

- Ой! Так это мы ужасно переживали! Еще бы! Уж он пожилой, он больной, у него гипертония, астма, задыхался... Всё равно, он конечно, работал, и всё... Да что вы! Мы очень переживали. Мама - так прямо замертво. А еще как... Вначале его..., ну, как это?

Камера предварительного заключения, там же, в Пестове. И вот я ходила, передачи носила, всё. Ну, мама тут с одним..., был какой-то мужчина, который народным заседателем. Вот она к нему ходила, разговаривала, что уж там будет суд, так хоть слово замолви! Ведь, ну, ни в чем человек не виноват! Вот на ровном месте. Такая статья-то безобидная: нарушение финансовой дисциплины. И дали ему два года. И вот он потом только рассказывал однажды как-то в компании, с них обычно подписку берут, они не рассказываю. Вот я помню, что... Или уже где-то тут послабже стало, после смерти Сталина, наверное, как их везли. Ну, теперь-то я это читаю. Набили их в вагон так, что они все стояли, да еще руки было не..., не..., много мне встречалось описаний таких. И вот так их везли. Ни в уборную, никуда. Мужики некоторые начали падать. Опустятся – всё, нет сил. Ну недалеко везли, только одну ночь. Где-то... Где у нас под Ленинградом были лагерь? Тут где-то вот недалеко. Я знала, я вот забыла.

– Свирьстрой? Нет? Лодейное поле?

– Не хочу врать, не помню. А я уже училась... Это 1946 год..., где-то было летом. А я к нему ездила в 1946... Когда учиться-то приехала... Ну, мама, там, яички, там то, да другое, чтобы передачу... Поехала я в воскресенье, разыскала это место. Мне подсказали, вот там их бараки. Я иду с корзиночкой, несу. Смотрю, мой отец идет. Я кричу: - Папа! Папа! Не слышит, такой скривленный. Тогда я громким: - Головин! Смотрит – и ничего не понимает. Растерялся. Я подбегаю. - Батюшки! Да откуда ты? Я говорю: - Я вот передачу тебе привезла, а ты-то куда? Идет, не остановится. Я говорю: - Так ты подожди. – Нет, не могу. Мы строим овощехранилище. Так их же нельзя оставить, там плохо сделают. Я уже это вам рассказывала. Ну и вот. И строили они там долго. И он еще на месяц остался, пока не достроят, что эти черти вшивые, всё...

– Да. Это вы рассказывали. А мама сильно переживала, и братья тоже знали об этом аресте?

– Братьев не было. Только один. Да все знали. Конечно! Это, так сказать, открытое дело.

– А потом он вернулся в Пестово?

– Вернулся в Пестово. Еще немножко поработал. Потом уже и на пенсию ушел. Всё. Отбыл срок.

– Его при вас арестовали, не помните этого?

– Нет. Нет. Без меня. Вот я приехала на каникулы, а мама-то и говорит, вот такое дело... Этот момент ареста я не видела. Уже он был в КПЗ. Я уже туда к нему ходила. Вот так всех... 58-я статья еще раз арестовывали.

Муж потом ваш не знал о том, что папа был арестован ни первый раз, ни второй раз?

Вот, первый ваш муж, Знаменский который.

Нет, конечно! Что я буду дура - говорить! Нет! Нет! А так получилось... Это в 1946-м..., я в 1947-м году вышла, а он уже освободился. И я потом вышла замуж. Так что всё это было шито-крыто. Не-е-ет... Не-е-ет. Нет. Это намертво. Никто никогда ничего не говорил. Что вы!

– То есть и при муже никогда вообще не обмолвился ни отец, ни вы?

– Нет. Нет. Нет. Ой! Как вам это непонятно! Господи! Да железными щипцами не вытянешь! Ну, что вы... А тут я начну говорить... И также он молчал, сын контр-адмирала! Он-то тоже молчал!

– А вот скажите, пожалуйста, вы придумали себе какую-то легенду, да? Это началось с кражи документов? Или...? Когда это началось? С непоступления в институт в 1941-м году? Когда вы поняли, что вам нужно..., нельзя говорить правду?

– Да, да, да. Когда меня не взяли. Сначала в 1941-м в Ленинграде. А я в 1943-м приехала поступать в Свердловск. Я поняла, что...

– А здесь, в Ленинграде вы не поступали, в тот момент, когда война началась?

– Я сдала документы. Я была отличницей. Я приехала после выпускного. Попала на собеседование. Побеседовал со мной хорошо. Сказал, что ждите вызов. Всё. И – бах! – на второй день, это было в субботу, а в воскресенье, 22-го июня, началась война. Но мне пришли документы. И всё нормально.

– Что вы поступили?

– Нет. Что занятий не будет в связи с начавшимися военными действиями. Ваши документы, вот, мы вам возвращаем. Куда поедешь? Уже бомбили. Даже я, когда еще там была, уже бомбили. Первые дни сразу бомбили Ленинград.

– А потом в 1943-м вы поехали уже из Пестова?

– Да. Я уже из Пестова поехала. И почему мы туда поехали: значит, в Ленинград нельзя, в Москве общежития нет. А в Свердловске вот у меня подружка Лиля Лившиц была, и она училась уже на первом курсе, на медицинском. И жила она там у тётки, не в общежитии. Но она написала, что общежитие, Тоня, есть, и если надумаешь, приезжай сюда. И вообще приезжай, вместе будем. Ну, я вот и рванула..., еще вместе с подружкой. Мы послали документы в один день. Ей пришел ответ, что вы зачислены, приезжайте, начало занятий тогда-то, а мне – ничего. Ну, я говорю: - Надя, ты поезжай и там спроси, в чем дело? Надя приехала, пришла, сказала: - Они сказали, мы не знаем, где её документы, у нас нет, у нас такой фамилии нет. Ну, она мне прислала телеграмму, что документы она не может найти. Вот я тут и поехала. Приехала. Мне сказали, что документы у директора. Я прихожу к директору, а он говорит: - Так у нас уже закончен прием. Но вы отличница, так вас примут. Уж вы, раз доехали до Свердловска, вы можете и до Омска, тут теперь недалеко. Поезжайте, там места есть... А сам не смотрит мне в глаза. Как-то так..., не того... Ну вот, я тут догадалась, что это недаром... Принимали даже «хорошистов», без троек. Вот моя подруга, Надя Васильева, она без троек, её приняли, а меня... (конец ст. А, 1 кассета)

Ст.В ...Я думаю, что меня бы и в Ленинграде не взяли. Почему? Потому что, когда он читал мою биографию, я там честно написала, что я с мамой... были высланы на четыре года в Сибирь. Вот. И он вот так проставил красным карандашом галочку на мой автобиографии. Я эту же автобиографию и послала. И я когда увидела, что он смотрит на мою автобиографию, не на оценки на мои, не справки мои о здоровье, а именно перед ним лежит автобиография с этой галочкой. И вот мне сразу тут стукнуло, думаю, вот почему..., отмечено, что обратить внимание. Ну, по нахалке, я сама себя зачислила! И оставила...

– И с этого момента началась как бы...Ваша легенда?

– Да! Да, да, да. Тут уже... Так нет, и в Пестове мы всё время были начеку. Никто ничего не рассказывал. Что вы! А в Пестове-то такая была легенда, что, вот, в Устюжне там, в Обухове, якобы я училась, и всё... А потом отца сюда пригласили строить ... Пестово. Бригадир. Он работает. Вот и всё.

– А это вы сами придумали или мама?

– Я сама придумала. Я сама придумала. Потому что девчонки, вот так что-то разговариваем... - А ты откуда? Вот так как-то все..., много..., все приезжие. – А почему? А вот то-то, то-то... И вот в разговоре у меня такая легенда сложилась. Ну, и правда. Ну, приехали из Обухова, да и всё. Так уже и числилось там, что я из Обухова приехала. А на самом деле... из Сибири.

– Понятно. А как поступили в Ленинград?

– Так очень просто. Перевелась. Я там кончила с хорошими отметками. Курс я кончила.

– Курс один?

– Кончила я курс, и мне сестра написала: Тоня, переводись в Ленинград, потому что блокаду сняли... А она бухгалтер и каждый месяц ездила баланс сдавать. – Я каждый

месяц езжу, я тебе буду продукты привозить. Дома корова, картошка, всё своё. Ну вот. Ну, с большими трудностями, но... Да, да, да. Трудности... А когда приехала я... – Вызов же нужен был? Или вы из Пестова приехали сначала? – Я в Пестово приехала к родителям. Конечно. На каникулы. Так как это?! Это была отработанная метода. Меня сестра оформила якобы на работу счетоводом в свою контору. Поставила мне в паспорте, значит, штампик, что я работаю. Выписала командировку, что командирована такая-то, счетовод. Я и поехала, пожалуйста, без всякого вызова. И сразу в институт. Котиков был зам. директора. Ну и вот, всё ему рассказала, что... паспорт-то я ему не показываю... Говорю, что у меня, вот, сестра будет ездить, здесь близко Свердловск. Он смотрит мою зачетку и говорит: - Да-а, грех не взять такого студента... Но нам надо же вам карточку, надо же вызов, прописку, а мы... Им не дано такое право-то. Ну вот. А я говорю: - Это я всё беру на себя. Вы мне только разрешите учиться. – Ну, вольнослушателем, пожалуйста. – Ну, спасибо. И всё. И я проходила вольнослушателем. Эти книжки... в библиотеке мне не давали на руки, а только там занимайся. Потому что паспорт без прописки: кто я? что я? Счетовод там какой-то, в ресторане работаю. И целый год вот так я перебивалась. Н полгода было очень хорошо. А потом вдруг сестра пишет: теперь мы баланс будем возить только один раз в шесть месяцев, а не каждый месяц. Вот тут я полгода без ничего: без карточки, без прописки. Но я жила в Лесном у сестры двоюродной, она была в МПВО, и еще какой-то отдел по ловле шпионов. А убежали... Их бы тоже сослали. Они убежали с родителями, уехали вовремя. И у них была какая-то красная карточка, билетик такой, карточка называлась. Однажды мы сидим, а проверка была, милиционер входит. Она подает свой паспорт – всё, прописана. – А это кто? – Это моя сестра, студентка. - Её документы? - Пока не оформлены. – Что значит не оформлены? Она достает красную книжечку. – Так нужно, чтобы она у меня жила. Под козырёк. – Извините. И ушел. Вот так я была под её крылышком. Потом вдруг в один прекрасный день объявляет староста курса, читает: такие-то, такие-то к такому-то часу явиться в деканат. У меня там затряслось. Прихожу. А там с нашего курса-то двое или трое, а там 14 человек набилось с других курсов. Вольнослушателем была не я одна. Но, видимо, может, еще местные, не знаю. И нам вдруг говорят: вот такие-то возьмите паспорт, еще то, другое – прописывайтесь, вот вам какие-то выписки. В общем, Юлия Ароновна выхлопотала вам прописку.

– Юлия Ароновна это кто?

– Директор. Старый коммунист. Она была старая дева. А всегда говорила: - Мы делали революцию и оставляли мужей, детей... А студенты, конечно, хихикали... Хорошая была тётка! О-ой, какая...! Какой вообще у нее был порядок... удивительный... Ну вот меня уже тогда прописали. Это уже... Второй курс я таким боком жила, а уже на третьем курсе нас прописали. И как интересно получилось. Где-то я лежала в больнице, не помню, с чем. И рядом соседка. И услышала, что я в Педиатрическом. И она говорит: - Ой, я знаю, у вас Юлия Ароновна там директор. Я говорю: - Да, да, да. Откуда вы её знаете? Она говорит: - А я секретарем работала... Попков, что ли был у нас? Секретарь Обкома Ленинградского. – А она приходила хлопотать за студентов насчет прописки. Я говорю: - Ой! Так и я в том числе там была. А она и говорит: - Ну..., с Юлией мы намучались... У них была проверка в институте. И вот нашли, что 14 человек без права на то проживают, и сказали... И как раз все хорошие, отличники. И ей сказали. Ну она горой! Вы что?! Нам нужны врачи! Дети! Ну как это так! Они какой-то дали срок. Она говорит: - Я пойду к Попкову, мне разрешат, что вы! Я занята, недосмотрела просто, и забыла... Дали срок, что если не пропишет, то нас выселят в административном порядке. Здесь секретарь рассказывает, на аборте на каком-то там лежала, наверное... Она рассказывает: - Я сижу так, что мне видно, кто въезжает там, какая машина выходит. Она

такая полная была, немножко так ходила... - Я вот смотрю, Юлия Ароновна приезжает. Я секретарю говорю: - Юлия Ароновна едет. Он говорит: - Скажи, что меня нет. Она так не приедет, она всегда чего-нибудь будет просить. Входит Юлия Ароновна, а та говорит, что его нет. - Ничего, я посижу, подожду. Она говорит: - Так он до самого вечера не будет. - Ничего я подожду. - Так он может быть, вообще сегодня не приедет! - А ничего, я подожду. У меня очень важный вопрос. И сидит. Вынула какие-то бумаги, книжки, читает, сидит. Ну а тут звонят, работать же человеку надо. Она говорит: - Я встала, выхожу и говорю, вот так и так, она сидит. - Давай, зови её. И он подписал ей, действительно. Вот нас так прописали.

- Понятно. Первые впечатления о Ленинграде. Какие у вас были желания, надежды? Что вы хотели?

- Во-первых, меня поразила Ленинград своей чистотой. Первое. Но это я вам рассказывала, по-моему. А второе, меня поразила, конечно, архитектура. Ведь в кино не показывали, никаких открыток не было... Да что..., тут война... Теперь можно не бывать и не заблудиться, когда приедешь. Это первое. Второе. Я не скажу, что у меня появилось желание: ой! только здесь жить! Нет. Но что вот я была такая счастливая, что я здесь буду несколько лет учиться, ходить по этим улицам. Первое что, я пошла билет в Мириинку покупать. Украли у меня там билет комсомольский. Вот всей этой культурной жизни захлебнуть побольше - вот это у меня такое было желание. И действительно, вот мы сейчас с приятельницей, с которой быстро сдружились, вспоминаем, как последний ряд галёрки... Я покупала билеты, получаем стипендию, и это моя была обязанность. Я, значит, бегу по театрам: Пушкинский, Акимовский, Филармония, Малый. Обедаю и покупаю сколько возможно, какие, на месяц распределяем. Как-то время не теряли даром. Ну, а потом как начали открывать музеи..., и фонтаны..., и вообще... Я до сих пор очень люблю. Какая-то есть магия. Я где-то читала, что какое-то колдовство есть в Петербурге, почему оно так притягивает... Что-то есть... А оставаться... Я и не думала. Во-первых, я не думала, что я замуж выйду. Во-вторых, когда я вышла, я знала, что до 48-го всё равно всех посылали, хоть у тебя и ребенок, и престарелая мать - всё равно поезжай, пять лет отработай. И я была к этому готова. Но вот повезло, что в 48-м году вышло постановление: замужних студенток и женатых на ленинградцах оставлять. Чтобы здесь работали. Так вот я и осталась. А Ленинград, да... Город непростой... Я вот теперь редко..., когда выезжаю, едешь на машине... Вот с дачи ехала. Я опять вот как..., как..., какое-то у меня немножко кружение идет. Ну, захлебываюсь...! Ну, такое у меня чувство! Я как-то так волнуюсь! Я так переживаю! Мы ехали, вот, из Ропши. Во-первых, там дорога теперь... Ведь Ропша через Стрельну, значит, это резиденция, и до самого Кировского завода такая дорога! Всё разлиновано! Без единой трещинки! Дома все покрашены! Ой! Ну-ну...! Ленинград... да! Никогда не думала, что... Я-то думала, в такое, как Пестово заеду, заведу дом, кур, корову... А конечно, я... Психология крестьянки. А жить так трудно, голодно было, а я знала, мои родители сытно живут, потому что корова. А я всем этим владею, и подоить могу, и напоить, как и что - всё знаю. Конечно, я так и думала. И когда еще до постановления... Пока женились там... В 47-м году мы с ним поженились. Я вот такой выдвинула план. Как мой Знаменский возмутился! - Да ты что! Я не поеду. Да еще корову! Ох, боже мой, сколько тут было! (Смеется.) А вот зато он имел полное удовольствие, когда мы поженились, и он показывал мне город, уже свой город, так сказать, места, которые он любит. Очень любил он Стрельну. Дорогу. Мы ехали до Стрельны и от Стрельны до Петергофа, 8 километров что ли, мы шли пешком. Ну это что, молодая спортивная, физически развита была я. С удовольствием проходили. Ну в каком-то месте обязательно сядет он, долго... Я говорю: - Ну, пошли, ну чего... Вот его как пришлют к этому месту, чего-то там такое... Потом оказалось, это когда уже тётушка мне всё рассказала. Оказывается там он

каждый год отдыхал между Стрельной и Петергофом у какого-то немца, ну, обрусевшего немца, был частный лагерь детский, летний. Он приглашал ребят, они к нему приезжали, купались там на Заливе. А дом-то, конечно, сгорел, ничего там не было... На камни всё садился, может это от фундамента... Вот, когда я уже узнала. Но он с удовольствием мне показывал. Он, конечно, был и начитан, и вырос в такой среде, что там говорить... И ему очень нравилось, что мне всё нравится, я в таком восторге... Он как бы чувство превосходство передо мной: ну, такая деревенская девчонка приехала и ахает, всё рот раскрывает. Ну вот... А это, конечно, есть у меня такая восторженность. Меня один профессор звал знаете как? - «Восторгунчик»: - Тонечка, восторгунчик... А вот, когда я защитила, чего-то он скис. Потому что он трудно переносил, вот, моё что ли превосходство..., как тут сказать...

– Кандидатскую когда защитили, да?

– Да. Когда я защитила...

– А через сколько после окончания института?

– Ой! Мы с ним... Я забыла. Значит, мы с ним жили четвёртый - пятый курс. Потом я три года работала... Четыре года работала. Это шесть лет. И на седьмом году я, вот, уже поступила в аспирантуру. Родила. Оле было три года, когда он ушел. Значит, десять лет мы с ним жили.

– Ясно. О друзьях, если можно, в Ленинграде, когда вы приехали в 1944-м и до замужества. Или вы сразу уже где-то на четвертом курсе... В 1945-м вы поженились, да?

– В 1947-м. Я же на втором курсе. Второй, третий, на четвёртом я вышла..., пятый. А с друзьями...

– С кем дружили? Что это были за люди?

– Что за люди, сейчас расскажу. Интересно у меня так получилось... Самый у меня древний друг – это Ольга Савицкая, она была Андреева. Кулацкая дочь оказалась. Вот, когда началось это... Тоже она мне не говорила, и я ей не говорила...

– Вы с ней были однокурсницами?

– Да. В одной группе. На физколоидной химии, опыты там делали, и надо было пробирки мыть... Стол так, здесь раковина вот так, и я там записываю в тетрадку. Она подойдет мыть, как-то подставит под струю воды, и всё мне на тетрадку. И засмеётся, главное! Так хорошо! - О-ой! Надо же, какая я растяпа! Ну ладно, растяпа сегодня. Но завтра опять то же. И мне это уже не очень... Она опять так рассмеялась. А потом, когда мы уже уходим, она подошла и говорит: - Слушай, ну ты не сердись, на меня. Я говорю: - Ну, я немножко сержусь, мне надо переписывать. – А где ты живешь? И я целый год ей не говорила, что я без прописки живу. Тоже молчала. А она быстренько меня к себе пригласила домой. Она жила с мамой и с братом. Угол набережной и 6-й линии на Васильевском острове. Второй этаж. Так у них тут Исаакий видно, место хорошее..., мост Лейтенанта Шмидта. Ну, она говорит: - Ты где? А говорю: - Я у двоюродной сестры. Дом ничего, не бомбили, деревянный, в Лесном, всё нормально, хорошо. Печурка, в форточку топим. Она говорит: - У нас дырка на потолке. Вот так и живем. Там сверху, кто этажом выше – заложили, а у нас-то тут всё висит. Братик у меня такой – актер. И весь... Как она так показала – вот такой весь, летает! Всё в своих мыслях... А мама уже пожилая. А больше никого нет. А вот мама где-то там нашла фанерину, надо приколачивать. Пойдем, помоги. Я говорю: - Да запросто! Пошли. Вот мы приходим. Ну, старый дом такой, вы представляете Васильевский остров. У них стол дубовый – я больше нигде не видела. Ножки вот такие. Он на 40 персон, когда раздвинешь. А так – большой, но его с места сдвинуть тяжело. Она говорит: - Нам только стол не пододвинуть будет. Я говорю: - Ну что ты, стол... Она говорит: - Ну, вот посмотри, какой у нас стол... Мы приходим, мама встречает нас. Картошкой накормила даже. Так это здорово! Мне подвезло. А я без карточки. Заходит в комнату и говорит: - Ой! Ты пододвинула... - Да

дворник тут приходил, я попросила... Вдвоём еще с кем-то, так мне пододвинули. Она стул поставила, я стул поставила. Держим мы. Но надо ж работать. Она говорит: - Девчонки! Вы одна приколачивайте, а вторая держите. Я говорю: - Нет, так не получится. Дайте нам швабру или чего-нибудь. Мы подопрём... Ой! Ольга удивилась. Она говорит: - Я подумала: ну, какая девчонка! Чего придумала! Сундучок подставили... В общем, мы посередине: она с одного края, я с другого. Вдруг заходит её брат. Он такой тощий. Ох, у меня фотографии есть в роли, там, в кино он снимался. Потом уже, потом, уже старенькими были, так он мне признался. Он говорит: - Знаешь, я вошел... А работать..., надо раздеться, чего там... Я сняла, и маечка, маечки такие носили, и в юбке. Он говорит: - Я вошел и обалдел! Такая крепенькая девчонка стоит! Заделали мы эту дырку. Ну, и она местная, и говорит, что, ну, а вот театр, кино...: - Ой! С удовольствием. И вот мы так с ней и дружим.

– Это вы с ней ходили по галёркам?

– Да. Да, да, да. Вот теперь вот перезваниваемся.

– Она жива, да?

– Жива.

– И так до сих пор и дружите?

– Да. Мы ни разу не поругались. Вот хоть верьте, хоть нет. Но это не значит, что у нее хороший характер. Свои там есть... Мы её звали ...

– А как она оказалась в Ленинграде?

– Тут же, когда начали раскулачивать, то у них отобрали всё. Отца направили не в Сибирь, а куда-то на торфоразработки. Они жили под Лугой. Деревня Самохвалово. На хуторе. Дом был у них... Много земли было... Не одна корова. Это не то что у нас – одна корова. Крепкие были... Но они быстро убежали. Как только какой-то налог – не платишь – значит, вот... Они всё сами оставили и убежали. Где-то в Луге там жили..., еще... Наконец, сюда перебрались. Ждали. Сколько-то ему тоже, какой-то срок ... дали, вот я точно не помню, но наконец, значит, он освободился, их разыскал. Ну, вероятно, они переписывались, конечно. Ну, он как мужчина, начал жильё искать. Особенно прописки, видимо, там не было, главное, крышу какую-то. И где-то кто-то гараж какой-то ему отдал. И он из этого гаража такую квартирку сляпал, кулак этот, вот... И жили они себе спокойненько и хорошо. Приглянулся этот гараж, ну, какому-то партийному боссу. Ну, как отдельный домик, или что... И он им предложил где-то там в подвале комнату, а ты, дескать, это... Ну, когда рыльце-то в пушку, так не будешь возражать и права качать... Чего там... Пришел из тюрьмы..., из ссылки. Ну вот, они перебрались. И так мытарилась тоже, вроде меня. С кем-то обменялись, с кем-то съезжались... Подробности не знаю... И вот последний их был вариант...

– А тогда отца уже не было?

– Нет. Не было. Он в блокаду умер. От истощения умер.

– А скажите мне, пожалуйста, вы говорили, что Знаменского вы выбирали каким-то интуитивным чутьём...,

– Да.

– ...что он вам чем-то близок.

– Да.

– Вот как это произошло?

– А вот как вот... Как с Ольгой с этой... Ну надо же, два раза облила мне... И я не фыкнула, ничего... Вот я с ней подружилась, она оказалась кулацкая дочь. Вот как это получается...? Вообще-то, так, я могу это объяснить. Ну, значит..., эта, Надя Ануева(?) была тоже в нашей группе, она меня с ним познакомила. Ну, у неё... - Ну, приходи, там вот придет... жених... Ну я пришла. У неё муж – приятель Знаменского. Ну, какой-то чай, чего-то..., всё равно..., хоть как-то... Ну, вот манеры..., как улыбнется..., где-то

промолчит..., ухмыльнется. Ну, совсем другой..., чем тот же этот пролетарий был уж у Нади. Ну, и я не знаю, как..., какая-то вот симпатия идет что ли... Этот вот... импонировало мне. Он не будет кричать: ура! ура! мы победили!..., там, еще чего-нибудь. А этот Ганя только: а все же мы этим немцам! А он скажет: а сколько мы людей потеряли... Вот как-то вот совсем другое у него мышление... Понимаете? И мне это ближе и понятнее, чем вот эти «ура» или на дне рождения жены за советскую власть выпить. (Смеется.) Ну..., ну... как это!

– Понятно. А какие, если можно сформулировать, правила, ритуалы молчания?

– В смысле... Я не поняла вопроса.

– Правила, ритуалы замалчивания. Как вам удавалось, вот...?

– Ой! Это... это... какой-то внутренний сторож... постоянный. Это мне казалось, даже без усилий. Мне не надо было это все время, там, сдерживать, там, чего-то думать об этом. Это настолько идет потом автоматически! Вот как-то раздваивается человек. Вот отрезаешь, забываешь. А вот какую ты взяла роль... Вот, значит вот такая... Вот так и живешь, и живешь, и живешь... А внутри где-то теплится всё другое. А тоже теперь даже продумываю..., думаю: всё же девчонка! Нигде, никогда, ни в чем не проговорила! И вот сестра, и брат... Мы когда там соберемся, на каникулы я приеду..., особенно Алексей, так он говорит: - Ты там смотри – не болтай! Я говорю: - Нет, нет, что ты, что ты! Я всё говорю, что, вот, мы, крестьяне..., такие бедные, разнесчастные... Вот ушел на производство работать, да и всё.

– А муж, когда он приезжал домой к вам? Он приезжал?

– Да-а! Очень любил!

– Любил?

– Ну-у..., что вы! Так его там встречали! Знаете, как полагается зятя-то встречать! Не так, как вы, городские. А потом время – 47-й год, 48-й. Голодные же года! Карточки... Чего мы тут видели... А приедет... А мама там ему... сметанки, творожку... А он сластёна... А он покушать хорошо как любил. И того, и яичко, и не знаю, что..., и самый лучший кусочек, и Жоренька, Жоренька, Жоренька... Ой!

– И ни гу-гу? Даже родители ничего..., не проговорится... никак?

– Нет, нет, нет.

– «А вот, помнишь, там?»

– Нет, нет, нет.

– Никогда?

– Нет, нет, нет. Я говорю, что это без особенных трудов. Вот как-то... интересно. Мне самой интересно, ведь можно было... - бах! Ни за что! Также и он. Помалкивал, да и всё. А у него такой был сундук интересный, стоял в коридоре, так в углу. Боже мой! Там открыла: там шёлковый атлас, всё это зашито такими кнопочками... золотыми..., ну, медными..., всякие кармашки, там, всякие там ящички... А я говорю: - Слушай, а откуда это у тебя? А мне в голову не пришло... А он говорит: - Да, там один старик оставил... И всё. Только единственно, что у него было. Да, потом еще... Я пришла к соседке, ну, там чего-то..., смотрю, там чего-то хорошенькая у неё под кроватью. Я говорю: - Анна Ивановна, а чего это у вас? Она: - Ха-ха-ха! Да вот хлорочку здесь ... (конец ст.В, 1 кассета)

2 кассета, ст. А ... мне сказала... А он, это уже Борис, второй муж: - Не надо, - говорит. Пусть будет, так сказать...

...вот в том виде, в котором... Ну, и что, значит, вы увидели у соседки вазочку...

Я говорю: - Анна Ивановна, а чего это там? Она и говорит – Ой! Да вот это я храню хлорку. И достает. – Это, - говорит, - Георгия Николаевича. Я говорю: - Ой! Какая красивая! Ой! Какая! (Ну, вы же видите, это ж чудо!) Она говорит: - Ну, возьми, если тебе это надо. Я, там, пересыплю хлорку. Ну, потом вторая соседка принесла уже вот

этот кувшин. Ну я и говорю: - Жора! А откуда у тебя...? – Да, там, тётя где-то в комиссионном, она... любила посуду, в комиссионном купила. Ну, а потом, когда уезжали она, значит, эвакуировались... (а их оказывается до войны еще, в 37-м, сослали в Казахстан), ну, оставила, так, мы не пользовались... Вот так вот всё... Ну, а женщины говорили: - Ой! Какие там были посуды... Ну, они действительно... А, может быть, остались живы только потому что меняли. Они честно признались... Чего... У парня... Куда ему... Он один. Да и неизвестно, вернется или нет. Ну вот и вернулся.

– А он с войны, да?

– Да. Да, да, да.

– На фронте был?

– Да, да. да. Но он был в автоколонне. Подвозил чего...

– Понятно. Вот 20-й съезд, да. Получается 1956-й год. И тогда на порыве всеобщего раскаяния... У кого-то раскаяние, кто-то о чем-то новом говорит, у вас не было желания рассказать о себе?

– О себе – нет. Но за Сталина я заступилась. Я вам ведь говорила.

– Да, помню.

– А вы знаете, я вот и теперь думаю, не правильно тогда, не надо было Хрущеву это делать. Вы понимаете или нет?! Не было бы у нас ни перестройки и ничего, если б... Они-то хотели оставить этот строй, понимаете. Так как он..., он неумно очень поступил. Нельзя разрушать такой культ! Это икона была такая! Так верили в него!

– А что было бы?

– А так бы... А как у Мао Дзедуна! Ничего! Он для них светоч! Он для них знамя! И ничего. Они немножко поменяли там политику, сказали, что мы хотим, чтобы все крестьяне были кулаками. Вот и всё... И всё... Ничего особенного! Так и тут можно было всё это... И сидели бы...

– Вы думаете, что Китай – это хорошо?

– А почему плохо? Что...? Что..., что... там бы был бы этот наш социализм, что бы им было там лучше? Я думаю, что было бы хуже.

– ПА про китайский Лаогай, рядом с которым наш Гулаг отдыхает, вы никогда не слышали?

– Нет. Да что Вы? Ничего не знаю, всегда думала, что там все благополучно.

– Это не так. (Конец записи).